

Кац Н.Г.

СОВЕТИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ НЭПА

Новый исторический вестник. 2001. № 1.

Будущее демократии в России зависит не только от модернизации ее экономики, но также и от интенсификации человеческого фактора, требующего, чтобы каждый гражданин хорошо понимал свою роль в свободном демократическом обществе и был готов к претворению идеалов демократии в реальную жизнь^[1].

Российской системе образования, включая среднее образование, еще предстоит сыграть особую роль в развитии этого человеческого фактора. Сегодня представляется особо важным найти путь, который поможет превратить российскую школу в реальный инструмент демократического общества. Уже в недалеком будущем нынешние школьники, изучающие сегодня основы этики и политики, станут взрослыми гражданами, ответственными за будущее демократии и за экономическое развитие страны. Однако несмотря на огромный опыт, накопленный российской школой в XX в., а также горячее желание подрастающего поколения учиться тому, как жить в свободном обществе, существующая традиция и консерватизм мышления части учителей зачастую создают трудности в реализации задач демократического образования. Многие учителя, получившие подготовку и много лет проработавшие в советской системе образования, не только не способны к обучению мышлению, которое требуют технологии новой эпохи, но также не видят путей к реализации задач демократического образования. К тому же стереотипы Холодной войны продолжают жить в умах части учительства.

Начало нового тысячелетия оказалось трудным временем не только для российской, но и для американской системы образования. Бывшая демократическая администрация США была в набат по поводу плачевной ситуации в школах, низкого уровня знаний многих учащихся и неспособности части учителей обеспечить какой-либо серьезный уровень обучения. Республиканская администрация президента Дж. Буша обсуждает перспективу изменения порядка финансирования (вплоть до закрытия школ, не справляющихся с решением педагогических задач), введения специальных тестов для выявления неквалифицированных учителей. Идет обсуждение и права родителей на перевод ребенка в другую, в том числе частную, школу и на получение специального ваучера, покрывающего часть затрат на обучение.

Сегодня как в России, так и в США растет интерес к изучению исторического опыта народного образования разных стран. Историки – не звездочеты, пытающиеся предсказать будущее. Они стараются анализировать сегодняшний день и уроки прошлого с тем, чтобы помочь обществу найти правильные пути в желаемое завтра. Вдумчивый исторический анализ может помочь избежать слишком дорогих ошибок прошлого. В этом, вероятно, и состоит роль исторического знания в жизни общества.

Настоящая статья посвящена истории советской школы в 1920-е годы. В ней освещается процесс вовлечения партией большевиков одного из отрядов дореволюционной интеллигенции, учительства, в широкую программу социальных, политических и педагогических реформ, в участие в пропаганде социалистической идеологии, а также в борьбу с неграмотностью. Анализ работы партии большевиков с учительством, рассмотренный в статье, позволяет лучше

понять более широкие процессы создания новой, советской интеллигенции. Хотя первые шаги в работе на культурном фронте были сделаны сразу же после Октябрьского переворота и продолжены в годы Гражданской войны, настоящее же влияние революции на интеллектуальную жизнь страны стало ощущаться только в период 1920 – 1922 гг., а систематическая работа развернулась только в годы НЭПа^[2].

В статье анализируются вопросы советизации образования на основе изучения большой группы учителей, работавших в школах Петрограда и Петроградской губернии в 1921 – 1928 гг. Американская историография называет эти годы «романтическим периодом» в истории Советской школы, когда впервые задача овладения знаниями была открыто подчинена политическому образованию подрастающего поколения^[3]. В начале НЭПа Советское государство разработало концепцию обучения, включившую идею создания единой трудовой школы и политехнического образования молодежи, а также стимулировало революционные эксперименты в педагогике. Уже к концу 20-х гг. партия большевиков постепенно отказалась от такого экспериментирования. Революционный подход к вопросам образования Наркомпрос заменил на эволюционный трансформизм^[4]. Власть встала на путь разработки и применения общероссийских школьных программ, вернулась к идее строгого контроля над народным просвещением и отказалась от каких-либо экспериментов в этой области, выдвинув задачу воспитания нового человека. Как пишет Дж. Бередэй, перед глазами изумленного мира развернулись картина, напоминавшая то, что происходило в знаменитом романе Дж. Оруэлла «Ферма животных»^[5].

Поворотным моментом в судьбах всей русской интеллигенции XX в. явился Октябрьский вооруженный переворот и установление диктатуры большевиков в России. Одной из первоочередных задач стало для новой власти создание условий для развертывания социалистического строительства. Ее решение, среди прочего, требовало создания системы воспитания и обучения образованных и квалифицированных кадров, убежденных в победе социализма. Исходя из этого, Наркомпрос РСФСР под руководством А.В. Луначарского разработал принципы единой трудовой школы.

Необходимо было выиграть борьбу за руководство учительской массы с Всероссийским учительским союзом (ВУСом), пытавшимся повернуть учительство против Советской власти^[6]. В декабре 1918 г. ВУС был распущен, а летом 1919 г. был создан Всероссийский профессиональный союз работников просвещения (Союз Рабпрос), который был превращен в массовую организацию учительства города и деревни.

Рассматривая вопрос о работе с учительством, Наркомпрос еще в 1919 г. констатировал, что почвой для перевоспитания интеллигенции являются новые, более активные, формы ее работы в трудовой школе, в сельскохозяйственных коммунах, на социалистических фабриках и заводах, в создании основных устоев нового трудового общества^[7].

Политический и экономический хаос, царивший в стране в годы Гражданской войны, имел отрицательные последствия для всей системы народного образования. Уровень неграмотности был чудовищным. Тысячи потенциальных учеников потеряли родителей и превратились в беспризорников. Многие школьные здания были разрушены, не было учебников и бумаги, не хватало и учителей. Некоторые бывшие учителя покинули Россию с остатками белых армий. Другая большая группа дореволюционных педагогов, стараясь хоть как-то прожить, оставила школы. Особенная нехватка учителей ощущалась в деревнях. Не менее острой для партии большевиков была проблема квалификации и

идеологии тех, кто работал в школе. В 1920 г., например, 56,3% учителей Петрограда имела только 5 лет стажа, остальные 43,7% были так называемые старые учителя – те, кто начал работать в школах еще до революции^[8].

Партийно-советская прослойка среди петроградского учительства была тоже небольшой. Так, в 1923 г. в школах города среди 19 749 учителей насчитывалось всего 543 члена партии, что составляло только 2,7%^[9]. Большинство учителей оставались пассивны и даже враждебны к Советской власти, а были и такие, кто вообще не хотел признать большевистскую революцию как свершившийся факт. Петроградский учитель Филатов рассказывал делегатам одного из педагогических форумов в декабре 1924 г, что для многих его коллег преподавание в школе – «одна сторона реальности, а Советская власть – другая»^[10].

Органы Советской власти стремились выявить таких педагогов и заменить молодыми учителями из рабочих и крестьян. Необходимо было также помочь тем, кто был готов к сотрудничеству, подготовиться к работе в новых условиях, к решению задач коммунистического воспитания молодежи.

Такая ситуация с учительством в начале НЭПа была характерна для всей страны в целом. В 1922 г. Главсоцвос – управление Наркомпроса, ответственное за вопросы социального воспитания молодежи, – выпустил несколько инструкций, регулирующих прием на работу новых учителей. Главсоцвос потребовал, чтобы каждый, кто заполнял анкету для приема на педагогическую работу, был бы направлен в Экспертную комиссию. Такие комиссии в срочном порядке были организованы при каждом районном и губернском отделе народного образования. Несмотря на нехватку сколько-нибудь грамотных людей, готовых прийти в школу и учить детей писать и читать, основной целью Экспертных комиссий было выявление политически неблагонадежных учителей. С 30 января до 1 июня 1923 г. через Петроградскую губернскую экспертную комиссию прошло 1 136 кандидатов на учительские должности, и только 28% из них были допущены к преподаванию^[11].

В соответствии с рекомендациями Главсоцвоса, местные экспертные комиссии разделили все педагогические кадры страны на три группы: 1) учителя с идеологией и образованием, которые соответствовали задачам коммунистического воспитания, 2) учителя, требовавшие идеологического «перевоспитания» и профессиональной переподготовки, 3) «неблагонадежные элементы», требовавшие «искоренения» из школ^[12].

подавляющее большинство учительства было отнесено ко второй группе, требовавшей систематической переподготовки и «перевоспитания». Наркомпрос, определяя перспективы работы с учительством, решил открыть местные курсы повышения квалификации, очистить школы от всех неблагонадежных, а также начать подготовку новых, советских, учителей, привлекая молодых рабочих и крестьян в средние и высшие педагогические учебные заведения.

Органы ВЧК – ОГПУ также активно выявляли политически неблагонадежных. В середине 20-х гг. была арестована группа из 25 педагогов Ленинградских школ – членов подпольной организации «Воскресение». На собраниях этой группы осуждались действия карательных органов, критиковались мероприятия Советской власти, говорилось много и о «еврейском засилье» в России. Группа представляла наиболее консервативно мыслящие антисемитские элементы среди части учительства, враждебной к Советской власти. Группа даже выпускала подпольную газету, называвшуюся «Свободные голоса», и планировала организацию широкого движения, направленного против коммунистического воспитания школьников^[13].

Выявление неблагонадежных, конечно, не было доминирующей формой работы. Еще до того, как Наркомпрос наладил систематическую работу среди учителей, местные партийные и советские организации, а также отделы народного образования сделали первые шаги в этом направлении. Так, с ноября 1920 г. до октября 1921 г. при Петроградском губоно действовал Подгуч – Отдел подготовки учителей, организовавший кратковременную переподготовку более чем 6 400 учителей^[14]. В октябре 1921 г. Подгуч вошел в Отдел профессионального образования губоно.

В Петрограде постепенно складывалась целая система различных вспомогательных учреждений, которые оказывали методическую помощь учителям. Так, в 1921 г. уже работало 10 биостанций, где в первую очередь занимались вопросами повышения квалификации учителей биологии^[15]. Но курсы переподготовки часто были плохо организованы, не имели достаточного финансирования, а учителя жаловались на скуку и увлечение политическими вопросами в ущерб педагогике и методике^[16].

Пленум ЦК Союза Рабпрос в апреле 1921 г. в качестве важнейшей задачи назвал борьбу с «нейтрализмом» и аполитичностью в рядах учительства. Большая группа учителей была направлена в районные школы политграмотности, открытые Главполитпросветом летом 1921^[17]. К началу 1923 г. в СССР действовало около 440 таких школ, 50 из которых – в Петроградской губернии. Программа районных школ политграмотности, рекомендованная Агитпропом РКП(б) 2 августа 1921 г., включала следующие дисциплины:

Начатки естествознания 10 часов

От капитализма к коммунизму 14-16 часов

Конституция РСФСР 6 часов

Организация производства 4 часа

Сельское хозяйство и продовольственный вопрос 5 часов

Кооперация 4 часа

Социальное обеспечение и здравоохранение 2 часа

Церковь и школа 4 часа

История революции России, РКП(б) и Коминтерна 12 часов

Программа партии, ее организация и структура 2 часа^[18]

С самого начала «социалистическое перевоспитание» учителей включало не только обеспечение их общепедагогическими и методическими знаниями, но и привитие им нужного понимания своей роли в программе социалистического преобразования страны. Н.К. Крупская говорила о том, что «политически не подкованные» учителя, которые не понимают вопросов экономики, «совершенно бесполезны для новой педагогики». В своем проекте статьи «Мерила оценки педагога» она писала: «Педагог должен быть общественником, участником соц. строительства... Должен понимать задачи коммунистического воспитания и проводить их на практике»^[19].

В постановлении от 25 апреля 1921 г. Совнарком потребовал, чтобы местные Советы помогли отделениям Союза Рабпрос открыть Дома работников просвещения и превратить их в центры политического перевоспитания учительства. Руководство всеми Домами работников просвещения осуществлялось постоянным бюро ЦК Союза Рабпрос^[20]. Уже к осени 1924 г. в стране действовало 175 таких Домов, которые использовались для идеологической работы среди учителей^[21]. В Москве был открыт Центральный Дом работников просвещения, и в каждом провинциальном центре действовал

свой. В Петрограде, например, в распоряжение учителей был передано здание на улице Плеханова, дом 2, где в 1922 – 1923 гг. в различных мероприятиях приняло участие более 100 000 педагогов. 22 апреля 1925 г. Дом работников просвещения переехал в дворец на Мойке, принадлежавший до революции князю Ф. Юсупову^[22].

Начиная с 1923 г., программы всех курсов для городских учителей обязательно включали вопросы политической грамотности. В июле 1923 г. Педагогический институт имени А.И. Герцена открыл летние курсы, на которые губоно направило 73 учителя старших классов школ Петрограда. Из них 50% составляли педагоги со стажем более 10 лет, 39 учителей имели высшее педагогическое образование, 4 – высшее религиозное образование, 15 – среднее педагогическое образование, 11 закончили только гимназии, и, наконец, 4 были студентами высших педагогических учебных заведений^[23]. В начале 20-х гг. такой образовательный состав был типичным для учителей старших классов. По данным ЦК Союза Рабпрос, в июле – сентябре 1923 г. в стране работало 78 губернских и 203 уездных курсов, а также 336 уездных кружков для учителей^[24].

Еще более трудно разрешимой задачей для партии большевиков стало перевоспитание деревенских учителей, имевшее целью превращение этой большой группы сельской интеллигенции в пропагандистов социалистической идеологии среди широких крестьянских масс. Летом 1923 г. Петроградское губоно открыло 16 месячных курсов для сельских учителей^[25]. Специальная комиссия губоно, возглавляемая Л. Главацким, разработала более сбалансированные программы для этих курсов. Программа одномесячных курсов повышения квалификации сельских учителей включала 152 часа и состояла из следующих разделов и предметов:

- 1) Политическая часть 60 часов
 - Капитализм и рабочее движение на Западе 14 часов
 - Развитие капитализма в России и революционная борьба российского пролетариата 12 часов
 - Первая мировая война и пролетарская революция в России 10 часов
 - От НЭПа к социализму 12 часов
 - Мир после Первой мировой войны. Коминтерн 2 часа
 - Марксизм как Научная Идеология 10 часов
- 2) Педагогическая часть (обязательным для всех слушателей был один курс по методике преподавания) 92 часа
 - Ребенок и гигиена 20 часов
 - Методика обучения русскому языку 24 часа
 - Методика обучения математике 24 часа
 - Методика обучения естествознанию и географии 24 часа
 - Методика обучения в начальной школе 24 часа
 - Содержание школьной работы 14 часов
 - Организация жизни детей в школе и вне школы 10 часов^[26]

Но многим сельским учителям так и не удалось добраться до курсов из-за сельскохозяйственных работ, в которых они участвовали ради того, чтобы прокормить себя, а также из-за отсутствия хороших дорог, одежды и обуви^[27]. Те же, кто добрался, в своих отзывах отмечали, что классы были очень полезны для каждодневной школьной деятельности, и они хотели бы продолжить повышение своей квалификации^[28].

Вопросы политического перевоспитания учительства широко дискутировались на страницах «Правды», «Известий», «Учительской газеты» и других периодических изданий.

В 1925 г. вопросы политического самообразования учителей были обсуждены X съездом Ленинградского отделения Союза Рабпрос, который принял решение о создании Комиссии по политическому самообразованию учителей Ленинграда. Комиссия открыла специальный кабинет политического самообразования при Доме работников просвещения. Даже такие популярные формы культурной работы среди учительства, как экскурсии по историческим и революционным местам Ленинграда (в 1925/26 учебном году в них приняло участие 4 394 человека), были использованы для «перевоспитания»^[29].

Такое политическое давление на учительство не осталось бесплодным, о чем свидетельствуют, в частности, заявления, звучавшие с трибун педагогических собраний: «Было время, когда учительство стояло в стороне... Но прошло время, партия бросила вызов и товарищески протянула руку, и учительство должно принять участие в общей работе»^[30].

Несмотря на некоторые преувеличения, такие декларации отразили растущее среди части учительства желание лучше подготовиться к работе в советской школе. Вопросы идеологии, конечно, продолжали доминировать во всех мероприятиях, проводимых среди учительства в 20-е гг. Тем не менее, анализ деятельности местных и губернских отделов народного образования позволяет выявить новую тенденцию в строительстве советской школы, проявившуюся к середине 20-х гг. и направленную на революционное изменение методики преподавания. Это новое движение в молодой советской педагогике не было случайным. В первые годы НЭПа, когда интеллектуальная жизнь в стране была относительно свободной, многие прогрессивные педагоги, такие как Блонский, Шацкий, Пинкевич, Пистрак и Крупенина, начали осуществление экспериментальных программ в народном образовании. К тому же это был период интернационализации в педагогике, когда лучшие работы западных психологов и педагогов, включая и американских, многие из которых были последователями школы Фрейда, были переведены на русский язык и напечатаны, несмотря на трудности с бумагой. Прогрессивные учителя из Великобритании и США стали постоянными гостями Наркомпроса и пытались помочь в создании новых учебных программ^[31].

Особую известность в Советской России получили популярные в те годы идеи выдающегося американского педагога Дж. Дивея, а также обучение по «Дальтон-плану» и «методу проектов». Как пишет американский историк Ф. Хечингер, лучшие представители этого романтического периода в истории советской педагогики учились у своих европейских и американских коллег необходимости посвятить свои исследования поиску новых, неизведанных путей в обучении^[32].

В то время как Наркомпрос, по инициативе Н.К. Крупской, поддержал инициативы на уровне педагогики, новые педагогические методы не всегда успешно работали на уровне рядовой советской школы того времени с ее каждодневными хозяйственными и кадровыми проблемами. Большинство городских учителей предпочитало учить по-старому, используя опыт работы в дореволюционной русской школе. Сельские же учителя находили новую методику необыкновенно трудной даже для их собственного понимания. Стараясь помочь учительству освоить эти методы, Наркомпрос поспешил опубликовать программы-минимум для повышения квалификации работников дошкольных учебных заведений, начальных и средних школ, а также педагогической администрации. Структура

этих программ была общей и включала две части: педагогическую и социально-политическую^[33].

Начиная с 1926/27 учебного года, стали открываться так называемые опорные школы, имевшие педагогические музеи и библиотеки. На них теперь была возложена ответственность за систематическую переподготовку учителей согласно разработанным Наркомпросом программам^[34]. Курсовая переподготовка с единым центром – районной опорной школой – с незначительными модификациями утвердилась по всей территории СССР. В начале 1928 г. в Москве был открыт Институт повышения квалификации педагогов (ИПКП), а на местах – его отделения, организовавшие сеть заочного обучения. Эта сложившаяся система повышения квалификации просуществовала фактически до 1932 г.^[35]

Отмечая позитивные изменения в перевоспитании учителей, IV пленум ЦК Союза Рабпрос (1928 г.) констатировал завершение первого периода в переподготовке педагогических кадров. Пленум в своем решении указал, что при организации политпросвещения учителей необходимо отвечать возросшим запросам учительских масс^[36].

Таким образом, переподготовка стала важным фактором, способствующим «социалистическому перевоспитанию» многих старых учителей. Другим, не менее стимулирующим фактором, была для них совместная работа с молодыми педагогами из рабочих и крестьян, пришедшими в школы после Гражданской войны. Общественная активность и революционный энтузиазм молодых, их горячее желание служить революционной педагогике зажигало многих старых педагогов стремлением не отставать от юных коллег. К тому же, приход в школу новых педагогов привел к значительным изменениям в социальном облике российского учительства. Изменения эти наглядно демонстрирует следующая таблица:

Социальное происхождение учителей в РСФСР (в %)^[37]

	1911	1926
из дворян	9,6	-
из крестьян	36,2	51,6
из рабочих	-	5,1
из буржуазии	19,3	-
из священнослужителей	20,2	-
из кустарей и ремесленников	-	3,3
из торговцев	-	1,9
из интеллигенции	-	16,1
из лиц свободных профессий	-	16,1
из других социальных групп	14,7	6,5

Третьим фактором, влиявшим на идейно-политическое «перевоспитание» учительства (его не учитывает большинство исследователей истории советской школы), было обновление социального состава учащихся школ, а именно – приток в школы детей рабочих и крестьян. Советский школьник, отличавшийся высокой общественной активностью и заменивший за партой гимназиста, внес совершенно новый тонус во всю школьную работу.

Четвертым важным фактором была «смычка» педагогических коллективов с коллективами промышленных предприятий и вовлечение учительства в общественную активность. Одной из необычных форм этой работы стали рабочие патронаты в Петрограде. Первый такой патронат родился в 1923 г. в богатом революционными традициями Выборгском районе. Одно из обществ, действовавшее на заводе «Красный молот», организовало депутатские группы, обратившиеся ко всем рабочим Выборгской стороны отчислять часть зарплаты (0,5%) на нужды подшефных школ^[38]. Рабочие «Красного молота» были первым трудовым коллективом Петрограда, установившим активный контакт с подшефным педагогическим коллективом. Эта инициатива была поддержана и сессией Московско-Нарвского райкома РКП(б) в 1925 г., призвавшей к всяческой поддержке рабочих патронатов^[39]. Широко освещенные в печати, рабочие патронаты способствовали укреплению пролетарского влияния внутри петроградских школ.

Наконец, работа по ликвидации неграмотности также помогала росту взаимопонимания между учителями и рабочими. Ни одна страна в мире не знала до того культурно-просветительной кампании такого масштаба. Значительная часть этой гигантской работы была успешно осуществлена учителями в 20-е гг. По словам А.В. Луначарского, учителя не могли оставить «в темноте невежества и гражданской слепоте нынешнее взрослое население, нынешних строителей новой жизни»^[40].

Большое внимание педагогической общественности привлекло общероссийское соревнование за звание «Лучшего учителя СССР», начатое по инициативе газеты «Правда» в 1925 г. Материалы, которые публиковала газета, подтверждали, что учительство в своей массе становилось все более общественно активным, меняя свое политическое лицо. Учительская работа более уже не ограничивалась только обучением детей. Учитель становился теперь социально-активной фигурой общества. Сама жизнь делала его своеобразным агитпропом культурной революции. От учителя требовался подлинный универсализм, способность ориентироваться в широчайшем круге вопросов, волновавших рабочих и крестьян. Городские учителя оказывали помощь рабочим и красноармейским клубам, шефствовали над сельскими школами, проводили дни «Красного календаря». Сельские же педагоги открывали избы-читальни, организовывали кооперативы, пропагандировали передовые сельскохозяйственные знания, работали в красных уголках. По данным Союза Рабпрос, в 1925 г. учителя Ленинградской губернии уделяли ежедневно до 1 часа 42 минут такого рода деятельности^[41].

Каковы же были результаты изменения политического лица учительства? В первую очередь, такие педагоги стали значительно активнее внедрять принципы коммунистического воспитания в жизнь. Во-вторых, подозрительность, холодность и непонимание, существовавшие прежде между учителями и рабочими, постепенно таяли, уступая место отношениям сотрудничества и взаимной заинтересованности в улучшении работы школ. В-третьих, учительство стало постепенно привлекаться к работе партийных организаций, особенно в деревне. О повороте массового учительства на сторону Советской власти говорили и решения многочисленных педагогических съездов и конференций, проходивших накануне открытия I Всероссийского съезда учителей в конце 1924 – начале 1925 гг. Так, на I Ленинградской городской учительской конференции в январе 1925 г. было принято решение добиваться того, чтобы каждый учитель стал «строителем Советского государства и проводником идей коммунизма в широкие массы населения»: «Наша конференция должна сказать, что мы о

лояльности к Советской власти отныне не говорим потому, что Советская власть – наша власть без всяких договоров и условий»^[42].

На I Всероссийском съезде учителей, открывшемся в Москве в январе 1925 г., присутствовало 1 559 делегатов с решающим голосом, из них 72% составляли сельские учителя^[43]. Его работа и принятые решения продемонстрировали, что переход основной массы учительства на платформу Советской власти подходил к завершению. Как заверение на верность политическому режиму прозвучали слова декларации съезда: «Всюду и везде мы будем верными помощниками Советской власти и Коммунистической партии в их всемирно-исторической работе, ибо мы знаем теперь, что дело, которое делает партия, есть дело всего трудящегося человечества. Отныне в этом деле почетное и ответственное место должно принадлежать народному учителю»^[44].

Материалы съезда публиковались и обсуждались на страницах многих периодических изданий. Так, «Ленинградская правда» 28 января 1925 г. писала, что учителя в СССР фактически повернулись в сторону Советской власти, доказали свою политическую зрелость и показали своим западноевропейским коллегам, как можно успешно работать на культурном фронте^[45]. Анализируя это риторическое заявление печати, мы должны помнить, что в 1925 г. многие коммунисты в СССР, а также лидеры международного коммунистического и рабочего движения, все еще сохраняли веру в грядущую мировую революцию и оценивали опыт русской революции через призму возможных революционных потрясений в мире.

Успех работы партии большевиков по «социалистическому перевоспитанию» крупнейшей социальной группы среди русской интеллигенции – учительства – должен рассматриваться, в первую очередь, как результат осуществления НЭПа на всех «фронтах», включая и «культурный фронт». Этот процесс, конечно, не был окончательным, особенно среди городских учителей, которые даже в последние годы НЭПа все еще оставались менее политически активными, чем их сельские коллеги. Советизация всего учительства, возможно, была бы завершена менее болезненно, если бы не произошло радикальной смены социально-экономического курса: резкого свертывания НЭПа и перехода к форсированному и насильственному строительству государственного социализма по-сталински. Вместо методов политической пропаганды и профессиональной переподготовки в работе с интеллигенцией, в том числе и с учителями, на вооружение были взяты средневековые методы охоты за ведьмами, грубая сила и использование карательных органов, которые и завершили процесс «перевоспитания» многих учителей, некоторых – в лагерях ГУЛАГа.

Примечания:

-
- [1] *Gershunsky B.* Russia in Darkness on Education and the Future. San Francisco, 1983. P.57-63; Education and Society in the New Russia. Amonk; N.Y., 1994. P.6-7.
 - [2] *Clark K.* The “Quiet Revolution” in Soviet Intellectual Life//Russia in the Era of NEP: Explorations in the Soviet Society and Culture. Bloomington(In.), 1991. P. 212.
 - [3] *Counts G.* The Challenge of Soviet Education. N.Y., 1957. P.60.
 - [4] *Holmes L.* Soviet Schoolteachers and Moscow: Educational Policy and Classroom Practice, 1921-1931. Washington(DC), 1984. P.4.
 - [5] *The Politics of Soviet Education.* N.Y., 1960. P.58.

- [6] *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1934. N.Y., 1979. P.34-43.
- [7] ГА РФ.Ф.5462.Оп.1.Д.42.Л.4.
- [8] ЦГА СПб.Ф.7744.Оп.3.Д.2523.Л.251.
- [9] Еженедельник Наркомпроса.1928.№ 31.С.7-8.
- [10] ЦГА СПб.Ф.6207.Оп.7.Д.3.Л.2.
- [11] ЦГА СПб.Ф.2552.Оп.1.Д.1157.Л.12.
- [12] ГА РФ.Ф.А-1575.Оп.1.Д.159.Л.116.
- [13] ГА РФ.Ф.5462.Оп.12.Д.47.Л.54.
- [14] ЦГА СПб.Ф.2552.Оп.1.Д.664.Л.2,21-23.
- [15] *Бобовский А.А.* Работа по повышению квалификации учителей в Ленинграде//Повышение квалификации учителей.М.,1958.С.128.
- [16] *Holmes L.* The Kremlin and the Schoolhouse.Bloomington(In.),1991.Р. 54.
- [17] ГА РФ.Ф.А-2313.Оп.4.Д.92.Л.5; Работник просвещения.1929.№ 20.С.39.
- [18] ГА РФ.Ф.А-2313.Оп.4.Д.23.Л.13.
- [19] Научный архив РАО.Ф. 38.Оп.1.Д.44.
- [20] ЦГА СПб.Ф.2552.Оп.1.Д.564.Л.11.
- [21] *Дулин С.* Союз Работников Просвещения в резолюциях его съездов и конференций.М.,1925.С.15.
- [22] ЦГА СПб.Ф.6207.Оп.7.Д.554.Л.5; Оп.8.Д.182.Л.4.
- [23] ЦГА СПб.Ф.2552.Оп.1.Д.1184.Л.44-45.
- [24] ГА РФ.Ф.5462.Оп.5.Д.26.Л.157.
- [25] ЦГА СПб.Ф.6307.Оп.7.Д.554.Л.7.
- [26] ГА РФ.Ф.5462.Оп.5.Д.85.Л.41.
- [27] *Holmes L.* The Kremlin and the Schoolhouse.Р54.
- [28] ГА РФ.Ф.5462.Оп.5.Д.85.Л.58.
- [29] Профессиональный союз работников просвещения в 1925 – 1926 гг.М.,1927.С.126-127,134.
- [30] ЦГА СПб.Ф.6307.Оп.7.Д.3.Л.2.
- [31] *Moos E.* Soviet Education: Achievements and Goals.N.Y.,1967.Р.12.
- [32] *Hechinger F.* The Big Red Schoolhouse.Gloucester(Mass.),1968.Р.41.
- [33] ЦГА СПб.Ф.2552.Оп.1.Д.2169.Л.53.
- [34] Там же.
- [35] Там же.Д.2523.Л.251;Д.2524.Л.213.
- [36] ГА РФ.Ф.5462.Оп.10.Д.152.Л.126.
- [37] Там же.Оп.12.Д.47.Л.50.
- [38] ЦГА СПб.Ф.6307.Оп.6.Д.10.Л.8.
- [39] ЦГА СПб.Ф.2552.Оп.1.Д.1602.Л.27.
- [40] ГА РФ.Ф.А-2306.Оп.69.Д.487.Л.9.
- [41] Профессиональный союз работников просвещения в 1925 – 1926 гг.С.141.
- [42] ЦГА СПб.Ф.6307.Оп.8.Д.13.Л.51.
- [43] *Равкин З.И.* Советская школа в период восстановления народного хозяйства.М.,1959.С.257.
- [44] Учительская газета.1925.18 января.

[45] Ленинградская правда.1925.28 января